

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

Автор рассматривает не исследованную в белорусской историографии проблему влияния чрезвычайных ситуаций на жизнь населения Беларуси в период нацистской оккупации. На основе материалов Государственного архива Могилевской области охарактеризованы такие угрозы для жизни горожан, как пожары и наводнения, а также мероприятия местной администрации, направленные на предотвращение природных и техногенных катастроф.

Введение

История Второй мировой войны традиционно рассматривается как противостояние враждебных идеологий на фронтах, функционирование оккупационного режима, проблема сопротивления оккупантам. До настоящего времени жизнь "маленького человека", факторы, оказывавшие влияние на повседневность в период нацистской оккупации, находятся все сферы активного научного поиска

белорусских историков. В статье будет рассмотрено влияние техногенных и природных катастроф на повседневную жизнь городского населения Беларуси на примере г. Могилева. В частности, будет акцентировано внимание на пожары, наводнения и организацию службы спасения на водах.

Основная часть

10 апреля 1942 г. вследствие разлива р. Дубровенки произошло наводнение. Стихийное бедствие привело к массовым разрушениям жилищного фонда города и человеческим жертвам. По прошествии шести десятилетий трагедия описывается в прессе следующим образом. Просевший грунт железнодорожной насыпи перекрыл русло Дубровенки, в результате чего к весне 1942 г. образовалось озеро шириной несколько километров. Попытка немецких саперов пробить насыпь трубами, чтобы дать воде сток, привела к прорыву дамбы, 10-метровый поток воды устремился к Днепру, смывая все на своем пути, в том числе переполненный людьми Быховский рынок (пятница, базарный день). В статье ««Цунами» на Дубровенке» ущерб от стихийного бедствия оценивается следующим образом: уничтожено 2 каменных моста через Дубровенку, водопроводная сеть, дома по всей Дубровенской улице, всего разрушено 129 зданий, остановлена подача электричества, движение поездов в западном направлении, человеческие жертвы оцениваются около 2 тыс. чел. [1, с. 10]. Посмотрим на данную катастрофу сквозь призму архивных документов.

Необходимо отметить, что метеорологические наблюдения велись в Могилеве уже с осени 1941 г. Возобновление работы метеостанции произошло ориентировочно в октябре 1941 г. [2, л. 1–2]. По крайней мере, с декабря 1941 г. проводились режимные ежедневные метеонаблюдения, на основании которых городская управа получала ежедневные метеосводки. Данные о температуре, давлении, ветре, влажности и осадках подавались на 7, 13 и 19 часов ежедневно. Сводка составлена 17.12.1941 г. в 10.00 и, как и другие аналогичные сводки, снабжена комментариями, которые приведем полностью: «Погода проходит по заведенному шаблону: надвигается циклон, дает осадки (крупку), продвигается дальше, холодная масса воздуха у земли прогревается, морозящий дождь смывает выпавший снег. На дворе слякоть – все кряхтят, ругают погоду. На смену старому является новый циклон, который, словно по заказу, в течение 2–3-х суток выполнит шаблон и уйдет, а новый проделает то же и т.д. Первая такая зима за 7 лет моих наблюдений. Перелома надо ждать в половине января 1942 г.» [3, л. 1–4]. Как видно, комментарии составлены с налетом некоего лиризма. Метеорологом были отмечены нехарактерные для данного сезона особенности погоды.

Согласно имеющимся архивным документам, можно констатировать, что, по крайней мере, с осени 1942 г. до сентября 1943 г. велись наблюдения уровня воды. Замеры уровня воды на Днепре проводились ежедневно в 7.00 [3, л. 5–8]. Однако не возможно установить, осуществлялись ли они параллельно с метеорологическими наблюдениями с осени 1941 г. или были введены уже после трагедии на Дубровенке.

На случай наводнения в городе проводились профилактические мероприятия. Для этого по инициативе местной комендатуры при городской управе была создана специальная Комиссия в составе 7 чел.: председатель (начальник управления Службы порядка (полиции), представитель от комендатуры, представитель городского управления и его подразделений: Учдора, жилотдела, медико-санитарного отдела и пожарной команды [4, л. 40].

В каждом районе были созданы «тройки» по борьбе с наводнением под председательством сотрудника полиции. Районные тройки должны были установить местонахождения и точное количество спасательных постов, необходимый спа-

сательный инвентарь, перевозочные средства и жилые помещения для переселяемых во время наводнения. Комиссия обратилась к местной комендатуре с просьбой немедленно дать разрешение на все шлюпки и плоскодонки, собранные на складах, для получения их обратно и немедленного ремонта с таким расчетом, чтобы они к моменту вскрытия реки были в распоряжении Комиссии по борьбе с наводнением [4, л. 43]. Комиссия просила выдать 30 лодок со складского места хранения Водонасосной станции и 9 лодок со складского места "Лулопово", а также выдать разрешение на уничтожение остальных негодных к употреблению, сложенных на Водонасосной станции 45 лодок, во избежании несчастных случаев в случае пользования ими, а также во избежании обмена при обратной сдаче лодок по миновании наводнения [4, л. 55].

Согласно предписанию комиссии по борьбе с наводнением, все мосты на реках Дубровенке и Днепре должны были быть загружены балластом (песка 28 м. куб., камня 60 м. куб., досок 10 м. куб., бревен 10 м. куб.), для подвозки которого требовалось с 28.03.1942 г. ежедневно 5 подвод [5, л. 13]. Вряд ли это мероприятие было проведено в полном объеме, поскольку 4.04.1942 г., незадолго до наводнения, начальник группы снабжения отдела городского инженера жаловался бургомистру на недостаточное количество выделенного для этой цели транспорта [5, л. 24].

Кроме того, профилактические мероприятия предусматривали: осмотр соединения верхних строений мостов со сваями, усиление конуса у моста через Дубровенку по Минскому шоссе, очистку кюветов на спусках с горок, чтобы дать направление талой воде по ним, очистку водоспускных лотков от снега и льда, контроль за состоянием служб для переправ через Дубровенку, Струшню и Дебрю [5, л. 15]. С 1.04.1942 г. планировалось проводить мониторинг уровня воды и трижды в сутки сообщать сведения городскому управлению, коменданту города, дорожно-строительному отделу и вводно-спасательной станции [4, л. 42].

В городе было создано 6 троек: 1-я – от устья Дубровенки до Виленского моста, Струшни и Заводской улицы (географические названия приводятся те, как они существовали в городе в рассматриваемый период), 2-я – территория правого и левого берега Дубровенки между Виленским мостом и мостом по Минскому шоссе, 3-я – район Лулопово, 4-я – район Дебри, Подниколья и правой набережной Днепра, 5-я – Карабановка и привокзальный район, 6-я – территория Авторемонтного завода [4, л. 41].

О проводимых Комиссией мероприятий свидетельствует протокол совещания (предыдущие состоялись 23 и 25.03.1942 г.) 27.03.1942 г. Глава комиссии информировал собравшихся о вопросах, которые разрешились на предыдущих двух собраниях. Из заслушанных докладов начальников троек следовало, что были составлены списки переселяемых семейств, выяснено необходимое количество лодок для обслуживания затопленных мест, количество подвод, необходимых для перевозки переселяемых, отмечено, что на Карабановке уже начато переселение.

Городской инженер сообщил, что он осмотрел и дамбу, и территорию около Психлечебницы, отметил, что мост во льду, дал распоряжение о прорубке этого льда, заметив, что дамба не выдержит напора воды, о чем он известил немецких инженеров. Инженер также отметил, что Дубровенка угрожает наводнением; Быховский мост через Дубровенку, который был на попечении Учдора, требует особого внимания и охраны, так как конструкция его постройки такова, что при стихийном наводнении весь напор и удар воды придется по мостовой, таковая будет разрушена. Камень для груза на мосту имеется, и уже дано распоряжение о заготовке груза [4, л. 53-54].

Представитель Учдора проинформировал, что, хотя автомашины имеются, но нет горючего, поэтому на помощь этого транспорта рассчитывать не приходится, что на попечении Учдора 2 моста: Днепровский и Троицкий, что же касается Быховского, то необходимо через Горуправление выяснить, кто должен охранять мост и иметь о нем попечение.

Начальник Могилевской водно-спасательной станции сообщил, что водный транспорт имеется в наличии 61 лодка, из них 56 шлюпок, лодки благодаря военному времени истрепаны, для лодок нет весел, которые ввиду срочности вопроса должны быть изготовлены теми лицами, в распоряжении коих лодки окажутся, находит необходимым, чтобы высказанные в докладах требования на лодки были сокращены до минимума, лодки нужно расставить по тройкам, указав места необходимых спасательных водных постов, отметил, что таковые фактически людским персоналом не укомплектованы из-за не решения вопроса о штатах, каковой вопрос поднят им в городской управе давно. Он предложил в состав спасателей мобилизовать опытных людей, обеспечив их через городскую управу сухим пайком. Представитель городской управы предложил опубликовать постановление об обязательном в необходимых случаях принудительном временном переселении на срок к 30 марта населения с мест, угрожаемых наводнением [4, л. 54].

За участниками троек и гражданами, которым угрожало затопление их домов, были закреплены лодки. Например, на территории 4-й тройки 19 жителей Днепровской набережной, дома №№ 11–30, получили лодки [4, л. 97, 102–106].

Однако, несмотря на масштабные и в основном продуманные профилактические мероприятия, остановить стихийное бедствие не удалось. Как ни странно, наводнение действительно стало неожиданным. Не были отселены люди из потенциально опасных для затопления мест по причине отсутствия транспорта. Начальники троек констатировали неявку подвод для перевозки людей и имущества, просили общеадминистративный отдел управы наложить на возчиков взыскание, но организовать эвакуацию не удалось [4, с. 57, 61]. Как видно из упомянутого выше протокола заседания комиссии от 27.03.1942 г., между подразделениями управы шли споры о принадлежности объектов, которые экстренно необходимо было укреплять. После выделения лодок выяснилось, что не хватает весел, которые приходилось изготавливать в экстренном порядке, в то время как Водно-спасательная станция еще 13.09.1941 г. обращалась к городской управе с просьбой разрешить забрать из мастерских изготовленные еще до начала войны весла, которые лежали без дела и растаскивались населением на дрова [6, л. 19]. Медленно велся ремонт плавсредств, накануне наводнения полуглиссер водно-спасательной станции не был обеспечен топливом [4, 41 об.].

На основании имеющихся архивных документов сложно установить точный размер людских жертв и материального ущерба города. В документах могилевской организации “Самопомощь” указано, что только по 7-му жилищному участку пострадало 137 чел. В примечаниях состояние домов пострадавших граждан характеризуется как “затоплен”, “полуразрушен” или “снесен”. В регистрационном журнале есть расхождение в количестве членов некоторых семей до и после наводнения, что указывает на действительно имевшие место человеческие жертвы [7, л. 1–4].

Последствия наводнения значительно сказывались время спустя. Например, решением суда г. Могилева от 18.08.1943 г. один из жителей был освобожден от уплаты наложенного ранее штрафа в размере 5000 руб., поскольку во время наводнения 10.04.1942 г. дом и все его имущество было уничтожено [8, л. 37].

Помимо наводнения, водная стихия угрожала гражданам во время переправы через Днепр. Несчастные случаи на воде происходили регулярно, и для

их предотвращения в городе работала Водно-спасательная станция, в штате которой было 3 сотрудника [9, л. 25]. Станция размещалась по адресу: Водный переулок, 13 (левый берег Днепра) [6 л. 13].

В сентябре 1941 г. бургомистр потребовал от горожан под угрозой штрафа до 500 руб. сдать спасательной станции весь гребной флот и другой захваченный инвентарь [10, л. 52]. К ноябрю 1941 г. на вооружении станции имелось 11 единиц моторных и гребных судов, в т.ч. полуглиссер, водолазная аппаратура. В докладной записке (ноябрь 1941 г.) в городскую управу отмечалось, что для полноценной работы станции необходим штат в 5 матросов и 1 моторист-судоводитель. К работе, скорее всего, привлекались бывшие сотрудники ОСВОДа [6, л. 14-15]. До организации станции плавсредства и сотрудники числились в дорожно-строительном отделе [9, л. 39].

Каждое происшествие фиксировалось в специальном "Акте о несчастном случае с людьми на воде", который составлялся отдельно на каждого пострадавшего. В Акте указывалось: место трагедии, например, "на реке Днепр ниже моста через Днепр", дата и время трагедии, фамилия, имя, отчество и адрес пострадавшего, причина и обстоятельство происшествия, какая помощь оказана и результат помощи ("оживлена"), куда отправлен пострадавший (домой, в воинскую часть, в морг, если извлечено тело). На обороте Акта в графе "Патолого-анатомическое заключение" давалось подробное описание помощи пострадавшему и описание найденных при нем вещей. Вот как описывается помощь одной из жертв несчастного случая на Днепре 29.05.1943 г.: "Ульяна Г., 1918 года рождения, извлечена из воды начальником спасательной станции, матросом, приведена в чувства, переодета, согрета и получила поддержку медикаментами, отдохнув, получила лично на руки после отысканный в реке ридикюль красный большой, в каком документы и деньги 593 руб. в присутствии свидетелей», дата, подписи начальника станции и свидетеля [11, л. 2-2 об.].

Одновременно из реки было выловлено тело гражданки Александры Н., личность установлена на основании найденных в сумке документов. В реанимационных мероприятиях принимали участие немецкие солдаты и немецкие врачи, к жизни вернуть не удалось, и тело было доставлено на шлюпке к спасательной станции. В присутствии свидетелей тело, найденные документы и деньги были переданы супругу погибшей [11, л. 5-5 об.].

Оба случая имели отношение к произошедшей 29.05.1943 г. в 15.30 массовой трагедии, когда при переправе через Днепр перевернулась немецкая моторная лодка, на которой переправлялись граждане, жители Заднепровской части города: районов Гребенево и Луполово. Из 7 пострадавших трое женщин и мужчина были спасены и отправлены домой, трое женщин погибли [11, л. 1-6, 12]. В этом же происшествии утонул также немецкий солдат, труп которого был выловлен 6.07.1943 г. [11, л. 9-9 об.].

Участниками происшествия 20.06.1943 г. стали трое солдат-украинцев, которые в нетрезвом виде пытались переплыть Днепр и стали тонуть. Все трое были спасены сотрудниками станции и отправлены в свою часть [11, л. 11].

Сотрудникам станции приходилось также извлекать из реки трупы. 14.06.1943 г. из Днепра было извлечено тело мужчины 30–35 лет, одетого в гражданскую одежду, осмотрено в присутствии представителей полиции и судмедэксперта, который установил, что тело находилось в реке около года. Расследование не началось, тело по приказу сотрудников полиции было похоронено сотрудниками станции на берегу [11, л. 10-10 об.].

В августе 1943 г. был разобран наблюдательный пост станции на правом берегу Днепра ниже моста. Постройка сильно пострадала при бомбардировке

городских объектов в ночь с 27 на 28 мая 1943 г. (бомба упала на расстоянии 50 м от моста), и было решено пост ликвидировать [11, л. 15-15 об.]. В ходе этой бомбардировки пострадал также и лимниграф водомерного поста, строение пострадало не значительно, но часы от прибора были украдены не известно кем, о чем начальник станции сообщил городской управе и комендатуре [11, л. 7-8 об.].

В оккупированном Могилеве часто случались пожары. В довоенный период в городах Беларуси преобладала деревянная индивидуальная застройка усадебного типа, многие каменные административные здания центральной части города имели деревянные перекрытия, доминировало печное отопление, что создавало опасность возгорания.

Структура и численность пожарной службы отражена в докладной записке начальника службы начальнику общеадминистративного отдела городской управы (июль 1942 г.). Данный документ позволяет проследить динамику численности и материальной базы службы до и после оккупации города. До 22.06.1941 г. аппарат управления пожарной охраны насчитывал 17 чел.: начальник охраны, двое его заместителей, начальник материального обеспечения, заведующий складом, старший бухгалтер, бухгалтер-кассир, трое старших инспекторов, двое инспекторов по профилактике, секретарь-машинистка, доктор, старший механик, механик, инструктор по физической подготовке. Город обслуживали 3 пожарные команды, насчитывавшие 180 сотрудников, на вооружении которых было 9 пожарных машин и несколько вспомогательных единиц транспорта и 1 мотопомпа. На предприятиях города имелось еще 12 пожарных машин, 3 мотопомпы и около 600 чел. в составе пожарных расчетов, 12 добровольных пожарных дружин. Кроме того, в составе городского добровольного пожарного общества насчитывалось до 500 чел. В районе существовала своя пожарная служба, городская пожарная охрана периодически оказывала ей помощь инвентарем и участием в профилактических мероприятиях в колхозах и МТС [12, л. 54]. После занятия Могилева немцами управленческий аппарат пожарной охраны сократился: начальник, заместитель (он же исполнял обязанности начальника 1-й пожарной команды) и 2-й заместитель, начальник 2-й Луполовской пожарной команды, 6 человек старших по сменам, 75 чел. рядового состава, бухгалтер, 2 инспектора, секретарь-машинист. Районная служба находилась в подчинении городской пожарной охраны; в подчинении также находился трубоочистительный отряд в количестве 10 чел.

К лету 1942 г. с большими сложностями были восстановлены 7 пожарных автомашин и собран некоторый инвентарь. На некоторых предприятиях были восстановлены пожарные дружины [12, л. 54 об.]. В перспективе планировалось: обеспечить через Горводопровод ремонт всех пожарных гидрантов, через технический отдел управы провести ремонт дорог в районах Струшни и Дубровенки для доступа туда пожарных машин, улучшить обеспечение амуницией, восстановить в городе наблюдательную вышку, на которой установить круглосуточный пост, а также организовать добровольное пожарное общество, передав ему трубоочистительный отряд, как это было до войны [12, л. 56].

По крайней мере, на уровне отчетов, ряд планов к концу года был реализован. В докладной записке начальника охраны на имя городского бургомистра (декабрь 1942 г.) отмечалось, что в рамках профилактических мероприятий было обследовано 7000 частных и коммунальных зданий на предмет пожароопасности, дважды обследовались предприятия и учреждения, осмотрены пожарные гидранты, трижды проводились информирования населения о мероприятиях противопожарной безопасности по радио. Как заслуга нынешнего штата пожарной охраны, констатировалось снижение возгораний с 200 в 1940 г. до 46 за 1942 г.

Как недостаток – отмечалась слабая система оповещения о возгораниях, в результате чего в ряде случаев пожарная команда выезжала к месту пожара не по сигналу граждан, а ориентируясь по зареву [13, л. 134].

В 1943 г. количество сотрудников пожарной охраны составляло 30 чел. в самом городе и 30 чел. в составе пожарной команды Луполово [9, л. 26]. Тем не менее, не смотря на усилия городской управы и выделение значительных средств на содержание пожарной службы, пожары в городе происходили регулярно.

Слабым местом в работе городской пожарной службы была система оповещения. В ряде случаев о пожаре сообщали очевидцы (граждане, полицейские, совершавшие обход). Иногда сигналы поступали по телефону от различных ведомств (немецкая комендатура, госпиталь и др.). В других случаях пожар определялся по зареву дневальным, стоявшим у ворот пожарной охраны [13, л. 2, 23, 41, 43]. Требование на постройку наблюдательной вышки (каланчи) выдвигалось пожарной охраной еще в ноябре 1941 г., однако, как явствует выше приведенный отчет за декабрь 1942 г., проблема не была решена. В результате, в ряде случаев пожарные команды прибывали к месту происшествия тогда, когда уже было не возможно потушить его имеющимися средствами [13, л. 2]. Например, 7.03.1942 в 4.05 произошел пожар в районе Авторемонтного завода. Прибывшие к месту происшествия 3 автомашины 1-й команды, 1-2-й констатировали возгорание занятого немецкими солдатами дощатого помещения, засыпанного опилками, все помещение было в огне, крыша обрушилась. Гасить пожар не разрешил один из немецких офицеров, вероятно, чтобы здание быстрее сгорело, и прекратилось бы зарево, поскольку из-за отсутствия воды ликвидировать полностью горевшие конструкции не представлялось бы возможным [13, л. 23].

Для налаживания телефонного сообщения в дежурной комнате был установлен коммутатор. После получения информации о пожаре от комендатуры она далее передавалась дежурной бригаде, посту у ворот, помощнику начальника, а также через комендатуру при необходимости можно было связаться со 2-й пожарной командой в Луполово. Однако 10.11.1942 г. солдатами германской АТС все телефонные аппараты в обеих пожарных командах были без объяснения причин демонтированы. Бургомистр в ответ на запрос начальника пожарной охраны не смог прокомментировать данный вопрос, заявил лишь, что впредь пожарная охрана не несет ответственности за неоперативное прибытие к месту пожара [13, л. 74]. Была ли восстановлена телефонная связь впоследствии – в документах не отражено.

Пожары происходили вследствие ряда причин, отмеченных в отчетах начальника пожарной охраны по итогам каждого происшествия на имя бургомистра с копией на начальника городской полиции. К возгоранию могла привести интенсивная топка печей в деревянных строениях. 17.04.1942 г. в 16.15 загорелся гараж Могилевского дорожно-строительного отдела. Причиной происшествия стало то, что возле раскаленной печи были складированы деревянные чурки для просушки, которые воспламенились [13, л. 41]. 2.05.1942 г. в 11.40 произошел пожар в военном госпитале. Горело перекрытие между 5 этажом и чердаком. Причина возгорания – в вентиляционный канал была выведена от печки труба, в результате под действием большой температуры загорелось потолочное перекрытие. Повреждения: 3 м кв. потолка, 1,5 м кв. перегородки, 4 погонных метра вентиляционных каналов [13, л. 43].

Причиной трагедии могла быть обычная халатность граждан или немецких солдат, занимавших часть жилого фонда города. 10.03.1942 в 10.20 было сообщение о возгорании в жилом доме по Днепровскому проспекту, 25. Выбывшая на место 1-я пожарная команда в составе 2-х пожарных автонасосов, установи-

ла, что гражданка З. наложила в печь дрова, не открыв трубы, подождала их, и сама ушла в магазин, дрова загорелись, и весь дым пошел в помещение. Соседи увидели дым и сообщили в Пожарную команду [13, л. 22].

Всего за 1942 г. по имеющимся архивным данным в Могилеве произошло не менее 43 пожаров [13, л. 2-130]. Значительная часть пожаров приходилась на холодное время года и была вызвана интенсивной топкой печей и их конструктивными недостатками (размещение вплотную к деревянным стенам, проход дымохода через деревянные перекрытия), и, в меньшей степени, халатностью граждан и военнослужащих. Возгорания часто происходили в зданиях, занятых личным составом вермахта или используемых как складские армейские помещения. Эти помещения были вне сферы доступа инспекторов пожарной охраны, и производить тут профилактические мероприятия не представлялось возможным. В ряде случаев установить причину пожара не представлялось возможным, и это также чаще всего было связано с происшествными в зданиях, занимаемых вермахтом. Очевидно, немецкие военные не позволяли проводить детальное дознание ни самим пожарным, ни местной полиции.

К упоминавшимся выше отчетам о пожарах могли прилагаться планы действия пожарной команды в конкретном случае [13, л. 54]. По итогам расследования инцидента составлялся акт с указанием причин и ущерба. Так, после пожара на кухне городской управы в акте было указано, что очаги были сложены на цементных плитках, насланных на дощатый пол, конструктивных нарушений не обнаружено, видимо, искра попала в невидимую щель между деревянными и каменными конструкциями [13, л. 131].

Одной из причин пожаров являлось скопление сажи в дымоходах. За первые месяцы оккупации, когда коммунальные службы не функционировали, большинство дымоходов не очищались и, как следствие, происходило возгорание сажи. Как упоминалось ранее, при пожарной охране был организован трубоотряд. Начал работу не позднее сентября 1941 г., поскольку в октябре уже заключались договора с организациями на очистку, например, договор с Водно-спасательной станцией от 1.10.1941 г. Очевидно, трубоотряд был воссоздан на основе аналогичной довоенной организации, для договоров с организациями использовались советские бланки образца 1930-х гг. [6, л. 13-13 об.].

Приказом Могилевской городской управы от 2.02.1942 г. во избежание пожаров в городе вводилась немедленная принудительная чистка труб. Домовладельцы и квартиросъемщики не должны были препятствовать мероприятию под страхом наказания. Вводились расценки на очистку. Чистка обыкновенной трубы стоила 1 руб., чистка труб усиленных топок дважды в месяц – 6 руб., чистка паровых труб – от 15 до 30 руб., выемка гнезд из дымоходов – 9 руб. (за одно гнездо), выжигание сажи в дымоходах в зависимости от этажности дома – 10-20 руб. [14, л. 129].

Помимо этого проводились и другие профилактические мероприятия. Снабженные специальными удостоверениями пожарные инспекторы проводили осмотр предприятий и учреждений города с целью предупреждения возможных пожаров [13, л. 5]. Например, 9.04.1942 г. было проведено обследование Сушильного завода, в ходе которого был выявлен ряд недостатков, а именно, четыре подземных водоема на день обследования оказались замерзшими, и в случае пожара возникла бы проблема подачи воды, огнетушители и инвентарь были складированы в беспорядке, и находились в неисправном состоянии. Начальник пожарной службы предприятия в день работы инспекции отсутствовал. В результате, пожарная охрана обратилась к Юридическому бюро с просьбой наложить на него административное взыскание в размере 100 руб. [13, л. 39].

Заклучение

Таким образом, жившее в условиях жесткого немецкого оккупационного режима (голод, холод, репрессии оккупантов) население Беларуси становилось также жертвой чрезвычайных ситуаций: стихийных бедствий или техногенных катастроф. Местная вспомогательная администрация предпринимала определенные усилия для борьбы с пожарами и наводнением, однако чрезвычайные ситуации, приносившие человеческие жертвы и материальные потери, возникали регулярно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов С. "Цунами" на Дубровенке // Обозреватель. – 20.04.2007. – № 16(242). – С. 10.
2. Государственный архив Могилевской области (ГАМОГО). – Фонд 288. – Оп. 1. – Д. 3.
3. Там же. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 127.
4. Там же. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 112.
5. Там же. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 113.
6. Там же. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 101.
7. Там же. – Фонд 274. – Оп. 1. – Д. 11.
8. Там же. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 60.
9. Там же. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 29.
10. Там же. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 15.
11. Там же. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 120.
12. Там же. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 23.
13. Там же. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 21.
14. Там же. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 156.